

Александр ЩЕРБАКОВ

Красноярск

Александр Илларионович Щербаков — автор трёх десятков книг. Печатался во многих журналах СССР и России. Член Союза писателей России (СССР) с 1981 года (билет № 7949/24). Заслуженный работник культуры России. Академик Петровской академии наук и искусств. Почётный гражданин Каратузского района. Почётный житель села Таскино Каратузского района. Лауреат журналистских и литературных премий: Первой Международной премии имени А. Н. Толстого за лучшую

книгу для юношества, международных премий имени П. П. Ершова, А. Н. Плещеева, И. Д. Рождественского, победитель Всероссийского конкурса «Русский Лад», финалист Бунинской премии, дипломант Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо» и др. Награждён медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда». «100 лет Шолохову», «200 лет Лермонтову», имени Шукшина, «300 лет российской прессы», «80 лет Красноярскому краю» и др.

ОБРАЗ ВЕЧНЫЙ

Замела снеговойная замать

Время прошлое: было — и нет...

Но хранит стариковская память

Первопутья устойчивый след.

Всё забылось, потускло, погасло

Там, куда я уже не вернусь.

Над одним только годы не властны —

Над сельцом в стороне подсаянской,

Что мне видится чётким и ясным

До последней избушки и прясла,

В простоте деревянной прекрасным

И манящим, как Древняя Русь.

И до каждого словно бы вживе

Дорогого, родного лица —

Землячков из ребячьей гружины,

Кровных братьев, сестёр и отца.

А всех чаще видением прочным

Предстает незабвенная мать,

Та простая крестьянка в платочке,

Что Марией Васильевной звать.

Дай мне Бог до конца и не мельком

Видеть это и в сердце носить —

*И сойти своим часом в землю
С этим образом вечной Руси.*

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ...

*Нам пока весна и не снится.
Степь в сугробах, и лес в серебре.
Но весенние трели синицы
Начинают звенеть в январе.*

*Ничего, что морозы трескучи,
Ничего, что ветра легяны,
Лишь бы только надежда, как лучик,
Нам сверкала сквозь хмурые дни.*

*Пусть не очень-то греют нас трубы
И кончаются в топках грова,
Мы, коль наго, последнюю шубу
Отгадим и в канун Рождества.*

*Не за это ли русскую душу
Так светло и так горько люблю?
И тревожусь за всех, но не трушу,
И страдаю, как все, но терплю.*

*Пусть живём нелегко и непросто,
Но уныние нам не к лицу.
Будет богрствовать, братья и сёстры,
Остальное доверим Творцу.*

РУССКОЙ ПЕЧИ

*Что говорить, конечно, я беспечен,
Поскольку проживаю без печи,
Без той, родной, чей жар глубинный вечен,
Чьи кирпичи извечно горячи,*

*Без деревенской, деговской, без русской,
Со сводчатым облупленным челом,
С трубой, как пирамида, кверху узкой,
Прочищенной полынным помелом,*

*Просвищенной февральскими ветрами,
Поющей басовитым голоском,*

Курящейся раздумчиво утрами
Сосновым и берёзовым дымком,

С приступками, с печурками, с лежанкой,
Где сушится пимов нестройный ряд,
С шуршащею смолистою вязанкой
Лучинок, что так весело горят.

Бывают в жизни тяжкие моменты,
Когда берут болезни на излом
Я знаю: лучше всех медикаментов
Твоим бы излечился я теплом.

Или когда навалится усталость
Такая, что и белый свет не мил,
Я гдую: вот полежал бы малость
На нашей печке — и набрался сил.

Или когда в душе горенья нету
И не даётся стихотворный слог,
Я вспоминаю про твою загнету,
Где тлел всегда под пеплом уголёк.

Неугасима ты, подобно домне.
И сколько бы воды ни утекло,
Оно неистребимо в нашем доме,
Твоим нутром рождённое тепло.

Ты всё горишь. Сменяются поленья,
Но остаётся суть — она в тепле.
Приходят и уходят поколенья,
Но ты стоишь на отческой земле.

Бывало, даже руку враг подымет
На землю ту и дом готла спалит,
Но и тогда, как грозная твердыня,
Как монумент, печь русская стоит.

Потомок хлебопашеских фамилий,
Не слишком избалованный судьбой,
Я благодарен, что меня вскормили
Тем хлебушком, что выпечен тобой.